

ОЛЕГ ИВАНОВ

США И ИРАН: НЕЗАКОНЧЕННАЯ ВОЙНА



УДАР МОЖНО НАНЕСТИ.
ПОСЛЕДСТВИЯ
НЕВОЗМОЖНО ПРОСЧИТАТЬ

Олег Иванов

США и Иран:

незаконченная война

<https://litres.ru/74686929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новая книга политолога и публициста Олега Иванова «США и Иран: незаконченная война» - это не хроника бомбардировок, а анатомия политического тупика.

22 июня 2025 года американские бомбардировщики ударили по иранским ядерным объектам, и Белый дом заявил: программа уничтожена.

Иванов шаг за шагом показывает, как политическая формула «полностью уничтожено» разошлась с оценками разведки, докладами Пентагона и реальностью. Это книга о разрыве между военным успехом и политическим результатом: разрушенное здание не равно проверяемому отказу от ядерного оружия, а перемирие не возвращает погибших.

Опираясь на документы и свидетельства экспертов, автор исследует цену окончательных слов - и задаёт главный вопрос: если всё было уничтожено, почему снова приходится говорить о новой войне?

Содержание

Часть первая. Слова после взрыва	5
Глава первая. Заявление о победе	5
Война как доказательство собственной необходимости	10
Свидетель, которому невыгодно торопиться	12
Цена окончательных слов	14
Примечания к главе	17
Глава вторая. Переговоры без доверия	19
Наследство 2018 года	20
Пять встреч и одна красная линия	22
12 июня: два разных сигнала	25
Кому принадлежал срок	27
Что можно и чего нельзя сказать	29
Примечания к главе второй	32
Глава третья. Уран, который нельзя объявить исчезнувшим	33
Что означает шестьдесят процентов	33
Три вопроса, которые нельзя смешивать	36
Инспекция как противоположность вере	37
Что разрушила бомба, а чего она не могла разрушить	39
Кто пользуется неизвестностью	40
Уран как улика и как заложник	42

Примечания к главе третьей	44
Глава четвёртая. Полностью уничтожено	46
Сначала была поверхность	46
Слово президента и язык военных	48
Утечка, которая не была окончательным отчётом	50
Что значит «на годы»	52
Проверка после войны	53
Ловушка окончательного слова	55
Примечания к главе четвёртой	57
Глава пятая. Безопасность за пределами цели	59
Не всё опасное светится	60
Бушер как предупреждение, а не сводка о случившемся	61
Инспектор под огнём	63
Отсутствие выброса не означает отсутствия цены	65
Право цели на осторожность	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Олег Иванов

США и Иран: незаконченная война

Часть первая. Слова после взрыва

Глава первая. Заявление о победе

Война любит короткие предложения. Они помещаются в сводку, в заголовок, в телевизионное обращение. «Объект уничтожен». «Угроза устранена». «Операция завершена». Такие формулы не требуют от читателя ждать, пока приедут инспекторы, пока специалисты сравнят снимки со спутников, пока разведки разных стран перестанут спорить о том, что осталось под землёй.

В ночь на 22 июня 2025 года американские бомбардировщики ударили по иранским ядерным объектам. Белый дом представил атаку как решение, которое должно было поставить точку в опасной главе. Президент Дональд Трамп объявил, что ключевые объекты обогащения урана полностью уничтожены. В этом заявлении была сила, которую Вашинг-

тон привык считать частью самого удара: не только разрушить цель, но и сразу определить смысл разрушения.

Но у цели был подземный этаж, у урана была своя судьба, а у войны не оказалось кнопки, выключающей неопределённость.

Американские военные сообщили, что семь самолётов В-2 сбросили на комплекс в Фордо четырнадцать противобункерных боеприпасов GBU-57, а подводная лодка запустила более двух десятков крылатых ракет «Томагавк» по другим объектам. Это не домысел и не поздняя легенда: детали операции были изложены американским военным руководством и опубликованы, в частности, Reuters. Мощность удара была реальной. Каков был его результат внутри горы, в первые часы никто не мог знать с той же уверенностью, с какой президент говорил о победе.

Это различие и есть начало нашей истории. Не спор о том, были ли бомбы сброшены. Были. Не спор о том, пострадали ли ядерные объекты. Пострадали. Спор о другом: когда можно перейти от «мы нанесли тяжёлый удар» к «проблема решена»? И кто имеет право произнести вторую фразу раньше, чем её проверили?

У военного сообщения своя логика. Оно должно сообщить о выполнении задачи, укрепить уверенность союзников, предупредить противника, удержать инициативу. У инспектора другая работа. Он не должен убеждать публику в успехе и не должен успокаивать рынок. Он должен устано-

вить, что произошло с материалом, оборудованием, помещениями, следами радиации и доступом к ним. В июне 2025 года эти две логики столкнулись публично.

Через несколько дней после удара Reuters сообщило о предварительной оценке американской Разведывательной службы Министерства обороны. По сведениям собеседников агентства, знакомых с выводами, удар мог отодвинуть иранскую ядерную программу лишь на несколько месяцев. Администрация Трампа отвергла эту оценку как ошибочную. Позднее представитель Пентагона говорил, что внутренние оценки министерства предполагают задержку на один-два года. Это уже заметно более серьёзный ущерб, но и это не то же самое, что уничтожение программы навсегда.

В газетных заголовках подобные расхождения часто выглядят как спор о цифре. В действительности спор идёт о власти над будущим. Если программа уничтожена, значит, опасность снята и решение было удачным. Если она лишь отложена, значит, через несколько месяцев или лет вернуться те же вопросы, только в худших условиях. Если данные неполны, то общество должно признать: оно не знает, чем закончился удар.

Не знать неудобно. Особенно после того, как президент уже объявил победу.

В этом нет ничего исключительно американского. Любое государство старается представить военную операцию как исполнение плана, а не как ставку. Но Соединённые Штаты

обладают такой военной и информационной мощью, что их публичные формулы быстро становятся международной повесткой. Их слышат союзники, рынки, противники и миллионы людей, которым придётся жить с последствиями. Поэтому американская ответственность не исчерпывается вопросом, имела ли операция военный смысл. Есть ещё вопрос: что государство делает с правдой, пока эта правда ещё не установлена?

На следующий день после удара глава Международного агентства по атомной энергии Рафаэль Гросси выступил в Совете Безопасности ООН. Он не сказал, что объекты целы. Он перечислил то, что агентство знало, и то, чего пока не могло знать. В Фордо МАГАТЭ на тот момент не располагало подтверждением ущерба внутри комплекса. По Натанзу и Исфахану были зафиксированы повреждения, но подземное состояние сооружений оставалось неясным. Агентство также предупреждало о риске для ядерной безопасности и о необходимости как можно скорее возобновить инспекции.

Главное число в его заявлении не было числом погибших или количеством разрушенных зданий. Это были более четырёхсот килограммов урана, обогащённого до 60 процентов. На момент удара запасы оставались под гарантиями МАГАТЭ в соответствии с соглашением о гарантиях. Но агентство подчёркивало: инспекторы должны вернуться, чтобы дать убедительные гарантии, что материал не был перенаправлен и что его местонахождение известно.

Уран с обогащением до 60 процентов не равен готовой бомбе. Между наличием такого материала и созданием ядерного оружия лежат технические, политические и организационные шаги. Но это не безобидный запас. До уровня, обычно называемого оружейным, остаётся существенно меньше, чем до низкообогащённого топлива для электростанций. Поэтому число имело тревожное значение, но не доказывало, что Иран уже создал оружие или принял окончательное решение его создать.

Такой разбор требует выдержки. В политическом споре нюанс часто принимают за слабость. Если сказать «не готовая бомба, но серьёзный риск», одна сторона услышит оправдание Ирана, другая увидит подтверждение собственной правоты. Между тем именно так выглядит честное описание факта. Оно не снимает с Тегерана ответственности за накопление урана и отказ от достаточной прозрачности. Оно также не даёт Вашингтону права подменять сложный вопрос эффектной формулой.

Гросси напомнил и о другом: атаки на ядерные объекты могут повлечь радиологические последствия, а военная эскалация угрожает людям и отдаляет дипломатическое решение. На тот момент за пределами площадок повышения радиационного фона не фиксировали. Это важное уточнение. Было бы неверно писать, будто после ударов над Ираном возникло радиационное облако. Но отсутствие зафиксированного внешнего выброса не означает отсутствия риска. Внут-

ри повреждённых объектов могли оставаться химически и радиологически опасные вещества; для инспекторов важны были условия доступа и безопасности.

В тот день никто не мог добросовестно заявить, что все последствия известны. Именно поэтому заявление о полном уничтожении было не итогом проверки, а политической претензией на итог.

Война как доказательство собственной необходимости

Чтобы понять, почему удар оказался возможен, недостаточно начать с самолётов. Нужно вернуться к тому, что предшествовало им: к переговорам, санкциям, докладам МАГАТЭ и давнему спору о том, кто нарушил обещания первым. В этой истории нет одной даты, когда недоверие возникло из ничего. Но есть решения, которые его усиливали, и есть момент, когда переговорный процесс оказался соседним помещением для военной операции.

В июне 2025 года Израиль начал широкую кампанию против Ирана. США вступили в боевые действия прямым ударом по трём ядерным объектам. Американская администрация утверждала, что преследует цель не допустить появления у Ирана ядерного оружия. Одновременно возникал вопрос о границах этой цели. Уничтожить конкретные объекты? Отбросить программу на годы? Заставить Тегеран вер-

нутся к соглашению? Ослабить власть Исламской Республики? В публичной риторике эти цели не всегда были аккуратно разведены. А когда цели не разведены, любой результат можно объявить успехом и любое продолжение войны представить необходимым.

Критика США начинается не с утверждения, что все их оценки ложны. Она начинается с требования, чтобы оценки можно было проверить. Вашингтон говорил о непосредственной угрозе. Иран действительно накопил большой запас урана, обогащённого до 60 процентов, и МАГАТЭ фиксировало серьёзные проблемы с соблюдением гарантий и прозрачностью. Но публичная формула «неминуемая угроза» требует доказательств не меньших, чем формула «объекты уничтожены». Что именно означала неминуемость? Были ли исчерпаны дипломатические варианты? Какую новую информацию получили американские власти? Какие альтернативы рассматривались? Каков был ожидаемый риск ответного удара?

На эти вопросы нельзя ответить лозунгом о слабости или решительности. Нельзя ответить и ссылкой на то, что противник опасен. Опасность противника имеет значение, но сама по себе не выдаёт бессрочный мандат на применение силы. Иначе слово «угроза» начинает работать как универсальное разрешение: достаточно назвать риск, чтобы перестать объяснять, почему именно сегодня, почему именно так и что будет потом.

Сторонники удара могли указать на вполне конкретное основание для тревоги. В последнем предвоенном отчёте МАГАТЭ запас урана, обогащённого до 60 процентов, оценивался в 440,9 килограмма. Совет управляющих агентства 12 июня 2025 года впервые с 2005 года принял резолюцию о несоблюдении Ираном обязательств по гарантиям. Это не мелкие обстоятельства, и книга не должна их прятать. Иранская ядерная политика создавала угрозу распространения, а прекращение инспекций после ударов не превращает эту политику в мирную.

Но серьёзность проблемы не делает любой ответ разумным. Разница между доказательством риска и доказательством необходимости именно военного решения и есть та дистанция, которую политическая риторика стремится сократить. Чем короче она становится в речи президента, тем дольше её приходится преодолевать дипломатам, инспекторам и людям в регионе.

Свидетель, которому невыгодно торопиться

МАГАТЭ не является арбитром всех политических споров вокруг Ирана. Оно не устанавливает, кто начал войну, не решает, допустимо ли нападение с точки зрения международного права, и не может гарантировать, что государство никогда не скроет деятельность. Но в вопросе ядерного ма-

териала его работа имеет особый вес: агентство проводит инспекции, проверяет заявленные запасы и сообщает, что может подтвердить.

В этом смысле инспектор неудобен всем. Он не обязан подтверждать американскую версию успеха. Он не обязан подтверждать и иранскую версию невинности. Его медлительность часто оказывается точнее чужой уверенности. Он говорит: «Нам нужно попасть внутрь». Политик отвечает: «Мы уже знаем». Между этими репликами лежит разница между знанием и желанием, чтобы знание было уже получено.

МАГАТЭ подчёркивало, что безопасность его инспекторов должна быть обеспечена, а доступ к объектам и сведения о запасах должны быть восстановлены. Когда вооружённый конфликт повреждает площадки и ограничивает контроль, это не облегчает проверку. Оно усложняет её. В этом состоит парадокс военной акции, объявленной способом устранить ядерную опасность: удар способен разрушить инфраструктуру, но одновременно сделать менее ясным, где находится материал и что происходит с программой.

Это не довод в пользу бездействия. Это довод против самодовольства. Если удар действительно дал время, то этим временем нужно воспользоваться для инспекций и соглашений. Если инспекции не возобновляются, если переговоры превращаются в очередной ультиматум, то военный успех начинает терять свой смысл. Сломанное оборудование не

равно устранённой политической мотивации. Разрушенное здание не равно проверяемому отказу от ядерного оружия.

Именно здесь появляется главный герой этой книги, хотя у него нет имени и лица. Это не президент и не верховный лидер. Это разрыв между военной победой и политическим результатом. В него проваливаются заявления, обещания, оценки разведки и надежды людей, которым сообщают, что опасность устранена, а затем снова предлагают готовиться к следующему раунду.

Цена окончательных слов

Война не заканчивается в тот момент, когда прекращается стрельба. Иногда она продолжается в виде санкций, морских ограничений, новых угроз и сорванных инспекций. Иногда она переезжает в рынок нефти, в бюджет, в работу портов и в политические расчёты третьих стран. В июне 2025 года конфликт остановился после короткой, но опасной эскалации. Это не означало, что проблема была решена. В феврале 2026 года прямые удары США и Израиля по Ирану открыли новый и гораздо более широкий этап.

Американский доклад Исследовательской службы Конгресса описывает начало войны 28 февраля 2026 года, последующие ответные атаки Ирана, апрельское прекращение огня, июньский меморандум и его крах через несколько недель. К сентябрю стороны вновь обменивались ограничен-

ными ударами, а противостояние всё сильнее смещалось к Ормузскому проливу и морским маршрутам. Этот документ важен не потому, что он беспристрастен по определению: он подготовлен для Конгресса США и опирается на доступные американским законодателям материалы. Он важен потому, что фиксирует цену и последовательность событий в официальном американском источнике, который можно сопоставлять с заявлениями сторон и независимой журналистикой.

К 28 октября 2026 года можно было утверждать следующее: устойчивого окончательного соглашения нет; переговоры остаются предметом публичных заявлений и посредничества; президент США объявил, что до выборов 3 ноября новых ударов не будет, но не закрыл вопрос о дальнейших действиях. Нельзя было честно утверждать, что война окончена. Нельзя было и утверждать, что новый крупный удар уже решён. Рукопись должна удерживать эту границу, даже если заголовок просит выбрать одну из двух простых версий.

Отсюда и название книги. «Предел удара» не означает, что у американской авиации есть физический предел, после которого она не может пробиться сквозь бетон или горную породу. Это предел политического воображения. Насколько далеко может зайти сила, прежде чем выяснится, что разрушить цель легче, чем изменить намерения государства? Можно ли управлять противником, если его руководство считает уступку капитуляцией? Можно ли вести переговоры, когда каждая сторона ждёт, что другая использует

паузу для подготовки к следующему удару?

Американская политика заслуживает жёсткой критики именно потому, что её решения имеют мировые последствия. Но критика будет пустой, если ограничится перечнем американских ошибок и умолчит о действиях Ирана. Тегеран тоже выбирал эскалацию, тоже ограничивал прозрачность, тоже использовал своё положение у пролива как рычаг. Это не уравнивает ответственность сторон. Это делает книгу пригодной для читателя, который хочет понять конфликт, а не получить очередной плакат.

В истории 2025 и 2026 годов есть соблазн выбрать одну дату и объявить её моментом истины. День первого израильского удара. День американской атаки. День прекращения огня. День, когда переговоры рухнули. День, когда президент сказал, что всё уничтожено. Но ни одна из этих дат не отвечает на вопрос, что стало с угрозой и кому принадлежит ответственность за то, что она вернулась.

Для этого придётся идти дальше. Сначала к тому, что было известно о ядерной программе до бомбардировки. Затем к решениям, которыми стороны вывели конфликт из переговорной комнаты. И, наконец, к самому простому вопросу, который в дни войны звучит почти как вызов: если всё было уничтожено, почему снова приходится говорить о новой войне?

Примечания к главе

1. Reuters сообщало, что в операции 22 июня 2025 года участвовали семь бомбардировщиков В-2, применивших четырнадцать противобункерных бомб по Фордо; подводная лодка выпустила более двух десятков «Томагавков» по другим целям. См. [Reuters, 22 июня 2025 года](#) и [Reuters, 22 июня 2025 года](#). 2. Reuters 24 июня передало предварительную оценку американской разведки о задержке программы на месяцы. Позднее Пентагон заявлял об оценке задержки на один-два года. Это разные оценки, сделанные в разное время, и они не должны сливаться в одну «окончательную цифру». [Reuters, 24 июня](#); [Reuters, 2 июля](#). 3. В заявлении в Совете Безопасности ООН от 20 июня 2025 года Рафаэль Гросси сообщил, что МАГАТЭ не располагало данными о повреждениях на Фордо на тот момент, что более 400 килограммов урана были обогащены до 60 процентов, а инспекции требовалось возобновить. Он также сообщил об отсутствии повышения радиационного фона за пределами площадок и отдельно описал опасности внутри повреждённых объектов. [МАГАТЭ](#). 4. Оценка в 440,9 килограмма урана с обогащением до 60 процентов относится к состоянию запасов, зафиксированному до начала ударов в июне 2025 года. См. [доклад МАГАТЭ GOV/2025/50](#). 5. Хронология конфликта 2026 года и оценка состояния на сентябрь приведены по докладу

Исследовательской службы Конгресса США, обновлённому 18 сентября 2026 года: [CRS R48887](#). Публичное заявление Трампа об отказе от ударов до промежуточных выборов 3 ноября опубликовано 8 октября 2026 года; позднейшие заявления о выборе между сделкой и новыми действиями освещались 26 октября. См. [Reuters, 8 октября](#) и [CNBC, 26 октября](#).

Глава вторая.

Переговоры без доверия

В дипломатии слово «стол» часто скрывает главное. За ним сидят люди, но недоверие остаётся стоять между ними. Оно не исчезает оттого, что делегации приехали в одну столицу, а министры обменялись рукопожатиями. Оно живёт в формулировках, в порядке шагов, в вопросе, кто первым должен уступить и кто потом сможет проверить, что обещание исполнено.

Весной 2025 года Соединённые Штаты и Иран снова начали переговоры о ядерной программе. Посредником выступал Оман. Первые встречи прошли в апреле, затем последовали новые раунды в Маскате и Риме. К 23 мая стороны провели пять раундов. Шестой был назначен на 15 июня в Маскате. 12 июня оманский министр иностранных дел подтвердил, что встреча состоится. На следующий день Израиль начал военную операцию против Ирана. Ещё через день Оман объявил, что переговоры не состоятся.

В этой последовательности нет необходимости искать тайный замысел, чтобы увидеть политический результат. Переговоры шли. Согласия не было. Встреча была запланирована. После начала войны она была отменена. Каждый из этих пунктов подтверждается публичными сообщениями. Всё остальное требует осторожности.

Нельзя достоверно написать, будто соглашение было уже почти готово и его сорвали в последнюю минуту. Нет опубликованного окончательного текста, который можно было бы сопоставить с тем, что произошло. Нельзя и утверждать, будто переговоры были пустой декорацией. Пять раундов встреч и назначение шестого говорят о том, что дипломатический канал существовал, хотя и не гарантировал результата. Между этими крайностями и начинается честная история.

Наследство 2018 года

Чтобы понять, почему переговоры 2025 года начались с таким низким уровнем доверия, нужно вернуться к соглашению, которое уже однажды ограничивало ядерную программу Ирана.

Совместный всеобъемлющий план действий, известный как СВПД или JCPOA, был заключён в 2015 году между Ираном, США, Великобританией, Францией, Германией, Россией, Китаем и Европейским союзом. Он ограничивал отдельные элементы иранской ядерной программы и вводил расширенную систему мониторинга в обмен на снятие части санкций. Соглашение не решало всех споров с Ираном. Оно не охватывало всю его внешнюю политику, ракетную программу или действия союзных вооружённых группировок. Но оно создавало проверяемые ограничения на ядерную де-

тельность.

8 мая 2018 года президент Дональд Трамп объявил, что Соединённые Штаты прекращают участие в соглашении и возвращают санкции. Его администрация объясняла это тем, что договор недостаточно защищает американскую безопасность и не касается ряда угроз, исходящих от Ирана. Это была открытая политическая позиция, а не тайное решение. Но последствия для будущей дипломатии оказались шире, чем спор о достоинствах конкретного документа.

С точки зрения Тегерана, Вашингтон показал, что американское участие в соглашении может прекратиться по решению следующей администрации, даже если международные инспекторы подтверждают исполнение ядерных обязательств. С точки зрения Вашингтона, соглашение не устраняло риски, которые США считали неприемлемыми, а потому требовало более широкого и долгосрочного решения. Обе стороны могли изложить свои аргументы. Но любая новая сделка после 2018 года должна была ответить на неприятный вопрос: почему Ирану следует считать американское обещание надёжным, если уже заключённое соглашение было оставлено одной из сторон?

Этот вопрос не оправдывает последующие шаги Ирана. Он помогает понять стимулы. Когда одна сторона считает, что уступка может быть отменена при смене администрации, ей труднее продать уступку внутри страны. Когда другая сторона считает, что прежние ограничения были недостаточ-

ны, она не хочет просто вернуться к прежнему соглашению. Пространство для сделки сжимается ещё до того, как переговорщики открывают папки.

Американская политика 2018 года не предопределила войну 2025-го. История не работает как прямая линия, где одно решение автоматически вызывает следующее. Но выход из соглашения изменил стартовые условия. Вашингтон требовал новых ограничений, а Тегеран мог указывать на опыт предыдущего договора. В этой ситуации каждый пункт переговоров означал не только техническую меру, но и спор о том, кто первым поверит обещанию другой стороны.

Пять встреч и одна красная линия

Переговоры 2025 года были сосредоточены на ядерной программе. В публичных сообщениях центральным спором стало право Ирана обогащать уран на собственной территории. Вашингтон требовал прекращения обогащения или, по крайней мере, не соглашался считать продолжение этой деятельности безопасным решением. Тегеран настаивал, что обладает правом на мирную ядерную программу и не готов отказаться от обогащения.

На бумаге спор звучит технически. На деле это вопрос о суверенитете, доверии и проверке. Иран связывал обогащение с гражданской ядерной программой и национальным правом. США видели в способности самостоятельно произ-

водить всё более обогащённый уран путь к сокращению времени, необходимого для получения материала оружейного уровня. МАГАТЭ, со своей стороны, фиксировало как рост запасов, так и проблемы с ответами Ирана по незаявленным объектам и материалам.

В мае 2025 года американский спецпосланник Стив Уиткофф публично обозначил требование отсутствия обогащения как американскую красную линию. Иранский министр иностранных дел Аббас Аракчи столь же публично говорил, что места для компромисса по самому принципу обогащения на иранской территории нет. Эти заявления не дают полного доступа к закрытым переговорам, но показывают политическую рамку, внутри которой переговорщики пытались найти решение.

Здесь легко сказать, что стороны «не хотели договариваться». Это слишком простое объяснение. Они хотели договориться на несовпадающих условиях. Вашингтон стремился получить более жёсткое и устойчивое ограничение, чем то, которое предлагал прежний договор. Тегеран не хотел соглашения, которое выглядело бы как отказ от права на собственную ядерную деятельность без ясной гарантии снятия санкций. Каждая сторона опасалась, что уступит первой и не получит взамен достаточной компенсации.

Важный политический вопрос состоит не только в том, были ли их позиции совместимы, но и в том, как администрация США управляла этим конфликтом. Когда президент

публично устанавливает срок, угрожает ударом и одновременно говорит, что предпочитает дипломатию, он пытается использовать давление как инструмент переговоров. Такая стратегия может сработать, если другая сторона верит, что предложение реально и что отказ от него будет хуже. Но она может и закрыть пространство для уступки, если руководители противника решат, что переговоры означают подготовку капитуляции.

Американские представители не обязаны были отказываться от давления, чтобы вести переговоры. Но давление не становится дипломатией только потому, что сопровождается предложением встретиться. Вопрос в том, давало ли переговорное предложение Ирану путь к проверяемому соглашению или только требовало заранее признать исходную американскую позицию.

Публичная информация не позволяет без оговорок восстановить все американские предложения иранской стороне в каждом раунде. Сообщения прессы о деталях встреч опирались на заявления официальных лиц и источники, знакомые с переговорами. Поэтому в книге нельзя превращать отдельные утечки в полный текст проекта соглашения. Можно зафиксировать расхождение вокруг обогащения, санкций и проверки. Можно показать, что пять встреч не сняли главного противоречия. Нельзя уверенно заявить, что именно одна конкретная сторона отказалась от уже согласованного компромисса, если такого компромисса в открытых документах

нет.

12 июня: два разных сигнала

12 июня 2025 года Международное агентство по атомной энергии приняло резолюцию, в которой признало, что многократные нарушения Ираном обязательств по сотрудничеству с агентством составляют несоблюдение соглашения о гарантиях. Речь шла о недостаточном сотрудничестве с расследованием вопросов по незаявленному ядерному материалу и деятельности на нескольких площадках, а также о невозможности агентства подтвердить, что весь материал был учтён и не перенаправлен.

Это было серьёзное решение. Оно не утверждало, что Иран уже создал ядерное оружие. Оно не было судебным приговором о намерении произвести бомбу. Оно касалось конкретных обязательств по гарантиям и сотрудничеству с инспекторами. Подмена одного другим удобна для пропаганды: сторонники силовой линии могут представить резолюцию как доказательство готовой бомбы, а Тегеран может объявить её политической выдумкой. Ни то ни другое не соответствует точному смыслу документа.

Голосование тоже не было единодушным. Резолюцию поддержали 19 членов Совета управляющих, трое проголосовали против, одиннадцать воздержались, двое не голосовали. Эти цифры важны не для того, чтобы умалить вы-

вод агентства, а чтобы показать международную реальность: большинство поддержало решение, но консенсуса не было. МАГАТЭ сформулировало претензию как институциональный вывод, а не как всеобщую политическую договорённость о том, что делать дальше.

В тот же день оманский министр объявил, что шестой раунд переговоров США и Ирана состоится 15 июня. Для наблюдателя это выглядит почти невыносимым соседством: международный орган фиксирует серьёзное несоблюдение обязательств, а посредник подтверждает продолжение переговоров. Но в дипломатии эти вещи не исключают друг друга. Иногда именно плохая новость делает переговоры срочнее. Резолюция могла усилить позиции сторонников давления; сама по себе она не требовала немедленной войны.

На следующий день началась израильская кампания. Иран ответил ударами по Израилю. Переговоры на 15 июня отменили. Через девять дней Соединённые Штаты напрямую атаковали три иранских ядерных объекта.

Порядок событий имеет значение, но его недостаточно, чтобы доказать, что войну спланировали вместо сделки. Он показывает более узкое и бесспорное: дипломатический процесс ещё не был официально закрыт, когда началась военная эскалация. Шестой раунд не состоялся не потому, что обе делегации подписали документ о прекращении переговоров, а потому, что условия для встречи исчезли после начала боевых действий.

Этот факт не снимает ответственности с Ирана за собственную ядерную политику. Он не доказывает, что США могли в одиночку остановить израильскую операцию или гарантировать успешное соглашение. Он ставит Вашингтону вопрос о выборе: какое усилие было приложено для сохранения переговорного пространства и что именно было готово предложить США, кроме угрозы более крупного удара?

Кому принадлежал срок

Сроки в дипломатии редко бывают нейтральными. Они создают ощущение, что решение уже близко, а промедление равнозначно отказу. В 2025 году американский президент говорил о примерно двух месяцах, данных Ирану на заключение соглашения. Переговоры стартовали в апреле, несколько раундов прошли в течение следующих недель, а к середине июня шестая встреча была назначена на дату, когда военная кампания уже началась.

Срок мог быть способом ускорить процесс. Он мог также стать политической ловушкой. Если соглашение не заключено к установленной дате, администрация получает возможность сказать: дипломатия исчерпана. Но отсутствие договора к дедлайну не всегда означает, что все варианты переговоров исчерпаны. Иногда стороны ещё не согласовали технические детали. Иногда их внутренним политикам нужно время. Иногда требование слишком широкое, а иногда одна

сторона использует паузу для укрепления позиции. Нужны доказательства, чтобы определить, какой случай перед нами.

Сильная держава особенно легко превращает свой график в чужой ультиматум. Это не делает срок автоматически незаконным или безнравственным. Но делает необходимым вопрос: кто устанавливает критерий провала? Если срок определён Вашингтоном, а критерий сводится к принятию условий Вашингтона, то переговоры рискуют стать не обменом уступками, а экзаменом на покорность.

Тегеран тоже использовал собственные красные линии. Он настаивал на праве обогащать уран и требовал снятия санкций. Нельзя описывать эти требования как нейтральные технические позиции. Они отражали интересы государства, которое хотело сохранить контроль над программой и добиться экономических выгод. Но признание интересов Ирана не означает, что их следует принять. Оно означает, что реальное соглашение должно было бы затронуть их, а не просто повторить американские требования громче.

Вместо этого обе стороны оставались в логике одновременного недоверия. Вашингтон сомневался, что Иран честно раскроет программу. Иран сомневался, что США выполнят соглашение и снимут санкции. США опасались, что время играет на Тегеран. Иран видел в сроках и угрозах доказательство того, что Вашингтон не ищет равноправного договора. Это не симметрия в военной мощи, но симметрия в страхе быть обманутым.

Результат оказался предсказуемым не в смысле неизбежности, а в смысле уязвимости. Переговоры не имели достаточного доверия, чтобы пережить кризис. Когда начались удары, политическая цена возвращения к столу резко выросла для обеих сторон. Для Тегерана продолжать встречу, пока его территорию атакуют, означало рисковать репутацией и показать слабость. Для Вашингтона остановить давление без видимой уступки Ирана могло выглядеть как отступление. Так дипломатический канал закрылся именно тогда, когда военная эскалация сделала его нужнее всего.

Что можно и чего нельзя сказать

Можно сказать, что весной 2025 года шли переговоры при посредничестве Омана. Можно сказать, что после пяти раундов стороны не объявили о соглашении, а шестой раунд был назначен на 15 июня. Можно сказать, что 12 июня Совет управляющих МАГАТЭ признал несоблюдение Ираном обязательств по гарантиям, связанных с сотрудничеством и незаявленной деятельностью. Можно сказать, что 13 июня Израиль начал удары по Ирану, после чего встреча 15 июня была отменена. Можно сказать, что США присоединились к ударам 22 июня.

Нельзя утверждать, будто к 12 июня договор уже лежал на столе в готовом виде. Его текста нет. Нельзя утверждать, будто резолюция МАГАТЭ сама по себе оправдывала войну. В

ней такого разрешения не содержалось. Нельзя и игнорировать, что у агентства были конкретные основания требовать от Ирана ответов и доступа. Нельзя приравнивать американскую угрозу к иранской ядерной деятельности, как нельзя объявить саму угрозу достаточным доказательством необходимости войны.

Это может показаться осторожностью ради осторожности. На самом деле это политический выбор. Если книга хочет критиковать США убедительно, ей нельзя растягивать факты в сторону заранее выбранного приговора. Нужно показать, как Вашингтон мог одновременно иметь реальные основания для тревоги и совершать решения, которые ухудшали шансы на контроль и договорённость.

Дипломатия не была невинным миром, который внезапно разрушили бомбами. В ней были угрозы, жёсткие требования и взаимные подозрения. Но она была каналом, где ещё можно было проверить, существует ли сделка. Когда канал закрылся, обе стороны получили возможность говорить, что именно другая сторона уничтожила последнюю надежду. Удобная формула. И слишком дешёвая.

Следующая глава будет не о том, кто сорвал переговоры, а о том, что именно обсуждалось под словом «ядерная программа». Чтобы оценить решение о силе, нужно понимать разницу между запасом урана, возможностью его обогатить дальше, инспекцией, оружейным замыслом и готовым оружием. В политической речи эти понятия часто сближают. В

реальности между ними лежит целый ряд решений, технических препятствий и проверок.

Примечания к главе второй

1. США объявили о прекращении участия в СВПД 8 мая 2018 года и начали восстановление санкций. См. архивное заявление Белого дома от 8 мая 2018 года: [окончание участия США в соглашении](#); краткий контекст соглашения: [Совет по международным отношениям](#). 2. О пяти раундах переговоров весной 2025 года и предшествующей хронологии: [PBS/AP, хронология переговоров](#); о четвёртом раунде 11 мая и разногласиях по обогащению: [Reuters, 11 мая 2025 года](#); о пятом раунде 23 мая см. ту же хронологию PBS/AP. 3. Оман подтвердил шестой раунд на 15 июня: [Reuters, 12 июня 2025 года](#). После начала израильских ударов Оман сообщил, что встреча отменена: [Reuters, 14 июня 2025 года](#). 4. Резолюция Совета управляющих МАГАТЭ GOV/2025/38 от 12 июня 2025 года: [официальный текст](#). Формулировка касается несоблюдения обязательств по соглашению о гарантиях и сотрудничеству с агентством, а не утверждения о наличии у Ирана готового ядерного оружия. Результат голосования и контекст: [Reuters, 12 июня 2025 года](#).

Глава третья. Уран, который нельзя объявить исчезнувшим

В политическом языке слово «уран» почти всегда произносят так, словно речь идёт об одном веществе и одном решении. Есть уран, значит, есть бомба. Есть обогащение, значит, есть намерение. Есть бункерная бомба, значит, проблема устранена. Но ядерная программа устроена не как выключатель. Между рудой, ядерным топливом и оружием лежат разные уровни обработки, оборудование, знания, решения и контроль. Когда всё это сливают в одно слово, становится легче требовать войны и легче объявлять победу.

Эта глава нужна не для того, чтобы уменьшить опасность иранской программы. Она нужна, чтобы опасность можно было описать точно. И чтобы ни Тегеран, ни Вашингтон не могли подменить знание удобной метафорой.

Что означает шестьдесят процентов

Уран состоит из нескольких изотопов. Для большинства ядерных реакторов используется уран, обогащённый примерно до нескольких процентов по изотопу уран-235. В оружейных целях обычно говорят о материале, обогащённом примерно до 90 процентов. Между этими уровнями есть промежуточные ступени. Шестьдесят процентов не является

оружейным уровнем, но это уже очень высокая степень обогащения, значительно выше типичных потребностей гражданской энергетики и существенно ближе к 90 процентам, чем к обычному реакторному топливу.

Важно не превращать проценты в линейную шкалу. Переход с 60 до 90 процентов не означает, что сделано ровно две трети всей работы. В процессе обогащения важна не только концентрация на выходе, но и масса материала, число и тип центрифуг, конфигурация каскадов, сырьё, время, наблюдение инспекторов и многое другое. Отдельно стоит вопрос о том, можно ли изготовить из полученного материала работоспособное ядерное устройство, а затем создать средство его доставки. Оценки времени, нужного для получения достаточного количества материала, не равны оценкам времени до готового оружия.

Это различие особенно важно в публичной дискуссии. Когда аналитик говорит о коротком «сроке прорыва», он обычно имеет в виду возможное время для производства количества высокообогащённого материала, а не точную дату появления боеголовки. В некоторых моделях речь идёт о теоретических предположениях, которые зависят от конкретной конфигурации центрифуг и от решений, принимаемых Ираном. Само понятие «срок прорыва» не отвечает на вопрос, намерено ли государство действительно производить оружие.

Весной 2025 года тревога была не выдуманной. В отчёте

МАГАТЭ от 31 мая агентство оценивало, что на 17 мая Иран накопил 408,6 килограмма урана, обогащённого до 60 процентов. К 13 июня, дате начала военных ударов, оценка выросла до 440,9 килограмма. Агентство отмечало, что Иран был единственным государством, не обладающим ядерным оружием, которое производило и накапливало уран на таком уровне. Это серьёзная причина требовать усиленного контроля и дипломатического соглашения.

Однако даже этот факт не означает, что Иран уже создал бомбу. Он означает, что у страны имелся большой запас материала, который при дальнейшем обогащении мог бы быть использован для производства оружейного материала. МАГАТЭ использует расчётные «значимые количества» для целей гарантий, но оценка потенциального количества ядерных устройств предполагает дальнейшие технические действия и не является сообщением о существовании готовых боезарядов.

Иногда в новостях число 440,9 килограмма переводят в фразу «достаточно для десяти бомб». Это короткая формула, в которой пропущено самое важное условие: если материал дополнительно обогатить и пройти последующие этапы. Такая оценка может быть полезным сигналом о масштабе риска, но превращается в манипуляцию, если читателю дают понять, будто десять бомб уже лежат в хранилище. Публицистическая книга обязана каждый раз возвращать пропущенное условие в предложение.

Три вопроса, которые нельзя смешивать

Первый вопрос: сколько материала было у Ирана до ударов? На этот вопрос МАГАТЭ давало оценку. Она основывалась на данных, предоставленных Ираном до начала военных действий, и на проверках агентства. Для 60-процентного урана речь шла о 440,9 килограмма на 13 июня 2025 года.

Второй вопрос: что произошло с этим запасом после ударов? Вот на него у агентства нет надёжного ответа. После начала атак инспекции были прекращены по соображениям безопасности; к концу июня 2025 года МАГАТЭ вывело инспекторов из страны. 2 июля Иран принял закон о приостановке сотрудничества с агентством. Позднейшие отчёты МАГАТЭ указывали, что без доступа к поражённым объектам агентство не может сообщить нынешний размер, состав и местонахождение запасов обогащённого урана, а также подтвердить, что вся деятельность по обогащению была приостановлена.

Третий вопрос: что намерено делать иранское руководство? Ни наличие запасов, ни отсутствие инспекций сами по себе не дают полного ответа. Недоверие и непрозрачность повышают риск. Они не являются автоматическим доказательством принятого решения создать оружие. В октябре 2026 года МАГАТЭ сообщало Совету Безопасности, что не может подтвердить отсутствие перенаправления ядерного

материала, а также напоминало, что с июня 2025 года не выявляло деятельности по восстановлению повреждённых военными ударами объектов. Оба утверждения важны. Первое говорит о пробеле в проверке, второе не позволяет автоматически заключить, что программа уже восстановлена.

В нормальной политической дискуссии эти три вопроса должны идти по отдельности. В военной риторике они часто складываются в один: «Иран имел материал, значит, собирался сделать бомбу, значит, удар был единственным выходом». Или, с другой стороны: «Иран не имел готовой бомбы, значит, угрозы не существовало». Обе логические цепочки слишком коротки.

Инспекция как противоположность вере

Международные гарантии не строятся на доверии к добрым намерениям. Они существуют именно потому, что государства не обязаны верить друг другу на слово. Инспектор проверяет декларации, измеряет материал, сопоставляет записи с физическими данными, фиксирует пломбы и оборудование. Такой контроль несовершенен. Он не даёт всеведения и не гарантирует, что ни одно государство никогда не скроет объект. Но он позволяет отличать проверяемое от непроверенного.

До войны инспекции МАГАТЭ давали международному сообществу данные о запасах и работе заявленных объектов.

Иран одновременно оставался предметом серьёзных претензий: агентство требовало объяснений по незаявленным площадкам и материалам, а Совет управляющих в июне 2025 года признал, что недостаточное сотрудничество нарушает обязательства по соглашению о гарантиях. Это не было спором между невиновным Ираном и злонамеренным агентством. Были конкретные вопросы без удовлетворительных ответов.

Но после бомбардировок проблема контроля стала тяжелее. Агентство утратило доступ к местам, где находились ядерные материалы, и не могло проверить состояние складов, оборудования и запасов. В июне 2026 года Гросси говорил, что почти год агентство не имело доступа к поражённым объектам и потеряло непрерывность знания о ранее учтённых материалах на этих площадках. В октябре он вновь заявил в Совете Безопасности, что инспекторам необходимо вернуться и что ничего не заменит физического доступа к объектам.

Этот результат не снимает с Ирана обязанности сотрудничать. Иран не может бесконечно ссылаться на то, что объекты атаковали, и на этом основании оставить международные вопросы без ответа. Но и США не могут считать исчезновение наблюдаемости доказательством того, что военная операция решила задачу. Когда инспекторы не могут войти, отсутствие доказательств восстановления не означает доказанное отсутствие восстановления. Равно как отсутствие досту-

па не доказывает, что скрытая программа уже действует.

Фраза «неизвестно» не приносит утешения ни одной стороне. Но иногда это единственная точная фраза. Она означает не то, что все версии одинаково вероятны, а то, что проверка пока не позволяет выбрать между ними с требуемой уверенностью.

Что разрушила бомба, а чего она не могла разрушить

Военный удар способен уничтожить здание, повредить центрифуги, перекрыть туннели, нарушить электроснабжение и затруднить производство. В 2025 году американские и израильские удары причинили серьёзный ущерб иранской ядерной инфраструктуре. МАГАТЭ сообщало о разрушении наземной части Пилотного завода по обогащению в Натанзе и о повреждениях на других объектах. Спутниковые снимки показывали следы попаданий. Утверждать, будто ничего не произошло, было бы столь же неправдиво, как утверждать, что вся программа исчезла навсегда.

Но воздушный удар не может стереть знания специалистов, уже созданные конструкции и политическую мотивацию руководства. Он способен отложить работу, повысить её цену, заставить искать новые площадки. Способен также убедить руководство, что ядерная неопределённость стала последним средством сдерживания. Это не предсказание и

не утверждение, что именно так поступил Иран. Это возможные последствия, которые стратег должен учитывать заранее.

Если целью США было физически разрушить конкретные объекты, то оценка успеха должна включать ущерб объектам. Если целью было предотвратить появление ядерного оружия, то успех требует более длинной проверки: где материал, что делают центрифуги, есть ли незаявленная деятельность, возобновились ли инспекции, существует ли соглашение, которое удерживает программу в контролируемых пределах. Вторая цель шире первой. Нельзя доказать её достижение одной фотографией разрушенного здания.

Именно здесь различие между военным и политическим результатом становится особенно ясным. Удар может быть успешным как военная операция и неудачным как средство нераспространения. Или, наоборот, может дать время для новых переговоров, если это время используется для восстановления контроля. Без доступа инспекторов и без устойчивого соглашения невозможно уверенно подвести итог.

Кто пользуется неизвестностью

Неопределённость опасна не только сама по себе. Её используют. Для сторонников дальнейших ударов отсутствие инспекций может служить аргументом: если мы не знаем, что происходит, нужно действовать снова. Для Тегерана

та же неопределённость может стать формой сдерживания: противник не знает, где находится материал и насколько быстро можно восстановить возможности. Для правительства США она позволяет одновременно заявлять об успехе и предупреждать, что угроза сохраняется. Для Ирана она позволяет настаивать на мирном характере программы, не предоставляя всех доказательств, которых требует агентство.

В этом политическом тумане легко забыть, что главным средством проверки был не новый бомбардировочный вылет, а возвращение инспекторов. Это не означает, что инспекции в одиночку решили бы все вопросы. Но если Вашингтон действительно стремился к проверяемому отказу от создания оружия, то инспекция должна была быть не второстепенным техническим приложением к удару, а центром стратегии после него.

США могли утверждать, что именно военная сила заставит Иран вернуться к переговорам. Но давление имеет смысл лишь тогда, когда существует выход из него. Если каждый следующий шаг требует всё более полного отказа Ирана от ядерной деятельности, а Тегеран не видит достоверного снятия санкций и гарантий, переговоры превращаются в спор о капитуляции. Если же Вашингтон предлагает ослабление давления без надёжной проверки, американские власти рискуют получить соглашение, которое их собственные критики назовут недостаточным.

Это реальная дилемма, а не оправдание любой из сторон. Но дилемма не разрешается разрушением инфраструктуры. Она решается политическим соглашением, инспекциями, последовательностью шагов и механизмом ответа на нарушения. Всё это медленнее, чем удар. И гораздо менее удобно для президента, который хочет сообщить, что задача уже выполнена.

Уран как улика и как заложник

В 2025 году запас урана был уликой против иранской политики: его объём и уровень обогащения требовали объяснений и ограничения. После ударов тот же запас стал заложником отсутствия доступа. Его точное состояние не подтверждено, и это отсутствие ясности влияет на любые будущие переговоры.

С точки зрения Вашингтона, требование передать или разбавить высокообогащённый материал может быть условием сделки. С точки зрения Тегерана, такой шаг без гарантий снятия санкций и прекращения военного давления может выглядеть как односторонняя уступка. Для МАГАТЭ первична возможность установить, где материал и не был ли он перенаправлен. Для соседних государств первична опасность новой войны. Для рынков важны проливы и поставки. Все эти интересы сходятся в одном месте, но не совпадают.

Поэтому вопрос «где уран?» не имеет только техниче-

ского ответа. Он стал вопросом о доверии и власти. Если Иран не допускает инспекторов, он усиливает подозрения и ослабляет собственную позицию, даже если его программа действительно остаётся мирной. Если США требуют полной уступки, но оставляют угрозу силового вмешательства постоянной частью переговоров, они подтверждают худшие опасения Тегерана и затрудняют проверяемый компромисс.

На 28 октября 2026 года точная и честная формула была такова: до ударов МАГАТЭ оценивало запас урана, обогащённого до 60 процентов, в 440,9 килограмма; после ударов агентство не может проверить его нынешнее местонахождение и состояние; наличие такого запаса создавало серьёзный риск, но не доказывало существование готового ядерного оружия; отсутствие доступа усиливает тревогу и требует срочного возвращения инспекторов. Это не эффектная фраза. Зато она выдерживает проверку.

Следующая глава разберёт, как политические заявления о полном уничтожении ядерной программы разошлись с доступными оценками ущерба. Не для того, чтобы объявить американский удар пустым жестом, а чтобы понять, почему уверенность Белого дома опередила проверку и как такая уверенность меняет цену следующего решения.

Примечания к главе третьей

1. МАГАТЭ оценивало запас урана, обогащённого до 60 процентов, в 440,9 кг на 13 июня 2025 года; общая оценка запасов обогащённого урана составляла 9 874,9 кг. См. официальный доклад [GOV/2025/50 от 3 сентября 2025 года](#). Более ранняя оценка на 17 мая составляла 408,6 кг: [АР, 31 мая 2025 года](#). 2. Доклад МАГАТЭ фиксировал прекращение проверок после начала атак и вывод инспекторов к концу июня 2025 года; Иран принял закон о приостановке сотрудничества 2 июля. См. [GOV/2025/50](#). 3. В докладе МАГАТЭ от 4 июня 2026 года сказано, что из-за отсутствия доступа и информации агентство не может сообщить нынешний размер, состав или местонахождение запасов урана и не может проверить прекращение всей деятельности по обогащению. [GOV/2026/33](#). 4. Заявление Генерального директора МАГАТЭ Совету Безопасности ООН 27 октября 2026 года: инспекторы не выявили активности по ремонту или восстановлению повреждённых в ударах объектов с июня 2025 года; при этом агентство не может заменить физический доступ дистанционной оценкой. [МАГАТЭ, 27 октября 2026 года](#). 5. В октябре 2026 года CRS сообщала, что публичная оценка разведки США в 2025 году гласила: «Иран не строит ядерное оружие», а верховный лидер тогда не возобновлял программу создания оружия, приостановленную в 2003 го-

ду. См. [CRS, Iran and Nuclear Weapons Production, 13 октября 2026 года](#). Это оценка разведки в конкретный период, а не доказательство отсутствия риска или гарантия будущего поведения. 6. Оценка МАГАТЭ о потенциальном количестве устройств при дальнейшем обогащении является расчётной и не означает наличие готовых бомб. Объяснение разницы между запасом материала и изготовлением оружия: [Библиотека Палаты общин Великобритании, обзор 2025 года](#).

Глава четвёртая.

Полностью уничтожено

Слово «уничтожено» кажется простым, пока не задашь вопрос: что именно? Здание? Центрифуги? Возможность обогащать уран на конкретном объекте? Весь запас материала? Знания инженеров? Государственная программа? Намерение когда-либо вернуться к ней?

В июне 2025 года эти значения слились в одно. Президент сказал, что ядерные объекты Ирана полностью уничтожены. Военные говорили о тяжёлом ущербе. Инспекторы описывали отдельные здания, электроснабжение, воронки и подземные помещения, в которые не могли попасть. Разведка оценивала возможный срок восстановления. Каждая сторона говорила об одном и том же ударе, но отвечала на разные вопросы.

Именно поэтому спор о слове «уничтожено» нельзя вести к вопросу о том, кто был прав в первый день. Первый день был слишком ранним для окончательного ответа. Но он оказался подходящим для окончательного заявления.

Сначала была поверхность

После израильских ударов, начавшихся 13 июня, Международное агентство по атомной энергии сообщало о повре-

ждениях в Натанзе и Исфахане, о разрушении наземной части Пилотного завода по обогащению в Натанзе и о перебоях электроснабжения. В первые дни МАГАТЭ не видело подтверждения повреждений на Фордо. При этом Рафаэль Гросси предупреждал: если лишить каскады центрифуг внешнего питания, тонко настроенное оборудование могло быть серьёзно повреждено. Это была оценка риска, не результат осмотра внутренних помещений.

Затем картина менялась. 17 июня агентство, проанализировав спутниковые снимки высокого разрешения, сообщило о признаках прямых попаданий по подземным залам обогащения в Натанзе. Это не разоблачение чьей-то лжи, а пример того, как работает проверка при ограниченном доступе: сначала доступны снимки и сообщения регулятора, затем появляются новые изображения, и прежняя оценка уточняется.

После американских ударов 22 июня агентство подтвердило попадания по Фордо, Натанзу и Исфахану. В Исфахане были повреждены здания и входы в подземные туннели. В Фордо воронки на горном склоне указывали на применение проникающих боеприпасов. Но степень повреждений внутри горы нельзя было определить по одним поверхностным признакам. Гросси говорил, что значительный ущерб ожидаем, однако подчёркивал, что никто, включая МАГАТЭ, ещё не провёл полной оценки подземных помещений.

В публичной речи эта оговорка быстро потерялась. Воронка стала доказательством обвала. Разрушенный вход стал

доказательством уничтожения всего, что находилось за ним. Но закрытый вход может означать, что объект недоступен, а не что он исчез. Спутниковый снимок способен показать кратер, деформацию крыши или движение техники. Он не даёт инспектору возможности посчитать центрифуги, взять пробы и проверить, где находится ядерный материал.

Это ограничение не делает спутниковую разведку бесполезной. Она незаменима там, куда нельзя попасть. Но ей нельзя приписывать то, чего она не видит. Даже самый подробный снимок остаётся изображением поверхности.

Слово президента и язык военных

В обращении после операции Трамп назвал удар «военным успехом» и заявил, что ключевые объекты обогащения «полностью и окончательно уничтожены». Министр обороны Пит Хегсет также говорил об уничтожении ядерных амбиций Ирана. Начальник Объединённого комитета начальников штабов генерал Дэн Кейн формулировал оценку осторожнее: все три объекта получили крайне серьёзный ущерб и разрушения, но окончательная оценка боевого ущерба потребует времени.

Разница между этими формулировками не стилистическая. «Тяжёлый ущерб» описывает физический результат. «Отброшено на годы» описывает расчёт времени восстановления. «Уничтожена программа» звучит как вывод о

всей способности страны вернуться к ядерной деятельности. «Уничтожены ядерные амбиции» уже говорит о намерениях, которые невозможно измерить фотографией воронки.

Военное командование часто сообщает о выполнении поставленных задач до того, как разведка завершит оценку ущерба. Это не обязательно означает сознательный обман. Но президентское заявление не становится точнее оттого, что прозвучало в торжественной речи. Если оно касается не только разрушенного сооружения, но и будущего поведения государства, доказательная планка должна быть выше.

В первые дни после удара эта планка не была достигнута. Американские официальные лица сами говорили, что окончательная оценка ещё впереди. Но политическая формула уже успела стать лозунгом. Любая новая оговорка выглядела как отступление, а любой вопрос о последствиях объявлялся попыткой умалить заслугу экипажей.

Здесь начинается опасная подмена. Можно одновременно признать мужество пилотов, точность планирования и тяжёлый ущерб объектам, а затем спросить, уничтожена ли программа в стратегическом смысле. Это не оскорбление военных. Это нормальное различие между выполнением операции и достижением политической цели.

Утечка, которая не была окончательным отчётом

24 июня Reuters, CNN и другие издания сообщили о предварительной оценке Разведывательного управления Министерства обороны США. По сведениям источников, ознакомленных с документом, удар мог отодвинуть программу на несколько месяцев; ряд элементов подземных сооружений не обрушился, а запасы урана не были уничтожены. В публикациях подчёркивалось, что оценка была ранней, а сведения о ней поступили от анонимных источников.

Администрация отвергла выводы. Белый дом назвал их неверными, а представители разведывательного сообщества заявляли о появлении дополнительной информации, указывавшей на более серьёзный ущерб. Пентагон 2 июля сообщил, что по его оценкам программа деградировала на один-два года, вероятно ближе к двум. Представитель ведомства не представил публичного набора данных, который позволил бы независимым наблюдателям проверить эту цифру.

В этом месте легко выбрать удобную половину истории. Одни представляют утечку как окончательное доказательство провала удара. Другие говорят, что первоначальная оценка была низкой по уровню уверенности и потому не имеет значения. Оба подхода упрощают картину.

Ранняя оценка не была последним словом. Она опиралась

на ограниченный набор сведений вскоре после атаки, а затем могла уточняться. Позднейшая оценка Пентагона также не стала автоматически прозрачной только потому, что была объявлена официально. Если общественности не предъявляют методику и данные, она должна понимать: перед ней позиция ведомства, а не открытая научная экспертиза.

17 июля Reuters пересказало новую оценку, опубликованную NBC News со ссылкой на действующих и бывших американских чиновников. Согласно этому сообщению, один из трёх объектов, Фордо, был в основном уничтожен, тогда как в Натанзе и Исфахане ущерб мог быть меньше, и обогащение на отдельных площадках теоретически могло возобновиться в течение нескольких месяцев. Это была уже другая картина, чем июньская предварительная оценка, но и она не являлась полным публичным отчётом с независимой проверкой каждого помещения.

В результате к середине лета одновременно существовали как минимум четыре утверждения: президентская формула о полном уничтожении; ранняя разведывательная оценка о задержке на месяцы; заявление Пентагона о задержке на один-два года; более поздние сообщения о разных результатах на трёх площадках. Эти формулировки не взаимозаменяемы. Они относятся к разным датам, источникам и уровням уверенности.

Честная книга не должна усреднять их до «удар дал примерно год». Такая цифра была бы выдуманной серединой.

Надо сохранить различие: американская администрация заявляла о полном уничтожении; ранняя разведывательная оценка была заметно сдержаннее; позднее Пентагон утверждал, что программа отложена на один-два года; сообщавшиеся в июле оценки указывали на неодинаковый ущерб по объектам. Окончательный результат нельзя было установить по публичным данным.

Что значит «на годы»

Время восстановления программы не похоже на секундомер, который можно остановить сразу после удара. Оно зависит от того, что именно требуется восстановить, сохранились ли центрифуги и запасы, есть ли доступ к оборудованию и специалистам, насколько быстро страна сможет построить новые мощности, сумеет ли скрыть их от наблюдения и какие политические решения примет.

Даже оценка срока восстановления не отвечает на вопрос, что именно восстанавливается. Если речь идёт о работе одного конкретного завода, это одна оценка. Если о способности производить высокообогащённый уран в другом месте, это другая. Если о создании готового ядерного оружия, в расчёт входят дополнительные процессы и неопределённости. Объявить, что программа «отброшена на два года», не значит гарантировать, что через два года Иран достигнет ядерного оружия. Это значит, что аналитики оценивают за-

держку отдельных возможностей при определённых предположениях.

Нужно также учитывать, что часть ущерба была нанесена до американского удара. Израиль начал атаки 13 июня. К моменту операции США электрическая инфраструктура в Натанзе уже была повреждена, наземные здания разрушены, а затем спутниковые данные указали и на попадания по подземным залам. Поэтому вся совокупность разрушений июня не может быть приписана одному американскому рейду. Американские удары имели отдельные цели и отдельный вклад, но происходили внутри уже начавшейся кампании.

Это важно для критики Вашингтона. Не следует преувеличивать и говорить, будто американские бомбы ничего не изменили. Они добавили тяжёлый ущерб и, вероятно, существенно осложнили работу ядерной инфраструктуры. Но нельзя и записывать весь ущерб Израиля на счёт США, а затем объявлять, что американская операция самостоятельно уничтожила всю программу. И то и другое стирает причинную картину.

Проверка после войны

Окончательный ответ мог бы дать доступ к объектам и материалам. Но военный удар не завершился такой проверкой. МАГАТЭ остановило верификационные действия по сообщениям безопасности, а к концу июня вывело инспекто-

ров из Ирана. После этого Иран ограничил сотрудничество с агентством. В результате главный международный орган, который до ударов проверял ядерные запасы, не смог непосредственно установить, что произошло с материалом и состоянием повреждённых площадок.

К октябрю 2026 года Генеральный директор МАГАТЭ сообщал Совету Безопасности: агентство не выявило деятельности по ремонту или восстановлению объектов, повреждённых ударами 2025 и 2026 годов. Это не означает, что все объекты функционально уничтожены навсегда. Это означает, что по наблюдаемым данным агентство не обнаружило восстановления. В том же выступлении Гросси вновь подчёркивал необходимость доступа инспекторов и невозможность заменить его дистанционными наблюдениями.

Здесь видна странная инверсия. В 2025 году Белый дом утверждал, что объекты уничтожены, когда независимая проверка была невозможна. В 2026 году МАГАТЭ сообщало, что не видит восстановления, но всё ещё не может проверить запас урана и состояние всех повреждённых площадок. Публичная уверенность и проверяемое знание всё это время шли разными дорогами.

Это не доказывает, что Белый дом сознательно лгал. Для такого обвинения необходимы доказательства внутреннего знания и намерения ввести публику в заблуждение. Но политическая ответственность не зависит только от доказательства лжи. Президент может преувеличить на основе непол-

ных данных, а администрация может слишком рано представить оперативную оценку как стратегическую окончательность. Это тоже предмет серьёзной критики.

Ловушка окончательного слова

Почему вообще столь важно было сказать «уничтожено»? Потому что это слово закрывает спор на время. Оно превращает рискованную операцию в завершённый успех, снимает необходимость объяснять, что делать дальше, и даёт союзникам сигнал, что США контролируют ситуацию. Для внутренней аудитории оно сообщает: сила сработала. Для противника оно может звучать как предупреждение: не пытайтесь восстановить программу.

Но слово, призванное закрыть спор, часто делает его длиннее. Когда позже появляются более осторожные оценки, публика начинает сомневаться не только в конкретном ударе, но и в следующем заявлении администрации. Если же президент повторяет максимальную формулу, чиновники оказываются перед выбором: либо подтверждать её без достаточных открытых данных, либо рисковать тем, что будут выглядеть нелояльными.

Политическая система США умеет производить конкурирующие оценки. У разведки, Пентагона, Белого дома, Конгресса и независимых журналистов разные источники и разные обязательства. Это может быть признаком здорового

плюрализма. Но плюрализм работает только тогда, когда администрация допускает, что первоначальная оценка может быть ошибочной, и не объявляет сам вопрос о проверке нападением на страну.

В июне 2025 года президентская уверенность опередила инспекторскую проверку. В июле официальные оценки стали осторожнее и сложнее. К 2026 году агентство сообщало, что ремонт не обнаружен, но запасы урана остаются непроверенными. Так выглядит не законченная история победы, а незакрытый вопрос.

Возможно, американские удары действительно надолго вывели из строя ключевые объекты. Возможно, они дали Вашингтону и союзникам время для переговоров. Но время не превращается в безопасность автоматически. Для этого нужны инспекции, соглашения и механизмы, способные пережить очередную смену политических настроений. Иначе фраза «полностью уничтожено» останется не выводом, а обещанием, которое каждый новый кризис заставляет проверять заново.

Следующая глава обратится к последствиям для людей и международной безопасности: что именно значит бомбить ядерные объекты, почему отсутствие радиоактивного выброса не равно отсутствию риска и как неопределённость вокруг материала влияет на весь регион.

Примечания к главе четвёртой

1. 13 июня 2025 года МАГАТЭ сообщало о воздействии на Натанз и отсутствии повышения радиационного фона за пределами объекта: [заявление агентства](#). 16 июня Гросси описал разрушение наземной части Пилотного завода, повреждение электроснабжения и невозможность оценить последствия потери питания для центрифуг: [МАГАТЭ, заявление Совету управляющих](#). 2. 17 июня МАГАТЭ сообщило о признаках прямого воздействия на подземные залы в Натанзе по результатам последующего анализа спутниковых снимков: [Reuters](#). 3. После американских ударов 22 июня агентство подтвердило попадания по Фордо, Натанзу и Исфахану, но заявило, что степень подземных повреждений Фордо пока нельзя определить: [МАГАТЭ, обновление от 22 июня 2025 года](#). 4. О предварительной оценке DIA и реакции Белого дома: [Reuters, 24 июня 2025 года](#). Представитель Пентагона 2 июля озвучил оценку задержки программы на один-два года: [Reuters, 2 июля 2025 года](#). Это была официальная оценка Пентагона, а не полный открытый технический отчёт. 5. Сообщение о новой оценке, согласно которой Фордо был в основном уничтожен, а ущерб двум другим объектам был меньше: [Reuters со ссылкой на NBC News, 17 июля 2025 года](#). Оно опиралось на источники, знакомые с американской оценкой; самостоятельной публикацией полного классифи-

цированного документа не являлось. 6. Заявление Генерального директора МАГАТЭ Совету Безопасности ООН 27 октября 2026 года о том, что агентство не выявило ремонта или восстановления повреждённых объектов, но нуждается в доступе для проверки: [официальный сайт МАГАТЭ](#).

Глава пятая. Безопасность за пределами цели

Военные карты любят точку. На ней отмечают объект, рядом ставят условное обозначение боеприпаса, затем обводят радиус. В реальности опасность не заканчивается на границе нарисованного круга. У ядерного объекта есть электро-снабжение, водоснабжение, дороги, персонал, лаборатории, склады, населённые пункты и воздух, которым люди дышат за пределами периметра.

Это не означает, что любой удар по ядерному объекту обязательно вызывает радиоактивное облако. В июне 2025 года МАГАТЭ не зафиксировало повышения радиационного фона за пределами Натанза и Исфахана. Для оценки риска это важнейший факт, и его нельзя подменять страшными изображениями, не имеющими отношения к действительности. Но столь же важно не превращать отсутствие внешнего выброса в доказательство того, что атака была безопасной.

Удар может не вызвать радиационное загрязнение за пределами площадки и всё же повредить опасные материалы, создать токсичные вещества внутри объекта, затруднить эвакуацию работников и лишит инспекторов доступа. Риск ядерной аварии не всегда выглядит как мгновенная катастрофа. Иногда это повреждённая инфраструктура, отсутствие надёжной информации и невозможность установить,

что именно находится за завалами.

Не всё опасное светится

После израильских ударов по Натанзу МАГАТЭ сообщало, что снаружи уровень радиации оставался обычным. Внутри комплекса ситуация была другой: агентство указывало на возможное рассеивание соединений урана и фтористых веществ, включая уранилфторид и фтороводород. Гросси подчёркивал, что внешнего радиологического воздействия на население и окружающую среду не зафиксировано, а основную угрозу внутри площадки составляла химическая токсичность.

Это важная поправка к привычному образу ядерной аварии. Не вся опасность связана с делящимся материалом и радиацией. В процессе конверсии и обогащения используются химически активные соединения. При повреждении помещений и оборудования работник может столкнуться с токсичными веществами, даже если дозиметр за пределами комплекса не показывает повышения фона.

В Исфахане были повреждены здания, связанные с химической лабораторией, конверсией урана и производством топлива. МАГАТЭ сообщало, что признаков повышения внешней радиации нет. Это не даёт оснований писать о массовом радиоактивном заражении. Но сообщение агентства также показывает: ядерная площадка является сложным

промышленным объектом, а не просто подземным сейфом с ураном.

Когда власти одной из воюющих сторон говорят, что удар был точным, они описывают, куда попал боеприпас. Это ещё не ответ на вопрос, насколько безопасны последствия для работников и жителей. Точность наведения не равна точности прогноза. Даже попадание в намеченную цель может привести к вторичным повреждениям, пожару, утечке химикатов, отключению систем охлаждения или потере связи.

Бушер как предупреждение, а не сводка о случившемся

В выступлении 20 июня 2025 года Гросси отдельно говорил о Бушерской атомной электростанции. Она не была атакована в ходе этой кампании. Важно не создавать ложное впечатление, будто на станции произошла авария или был зафиксирован выброс. Глава МАГАТЭ говорил о возможных последствиях будущего удара по действующей АЭС: прямое попадание или отключение внешнего электроснабжения могли бы привести к серьёзной радиологической аварии, потребовать защитных мер и вызвать последствия на значительном расстоянии.

Это был сценарный прогноз, а не сообщение о реальном повреждении Бушера. Но именно такие предупреждения и нужны до того, как снаряд окажется рядом с реактором. Во-

енная операция не становится ответственной только потому, что опаснейший объект не попал в список целей. Стратег обязан учитывать, что может случиться при расширении кампании, ответном ударе, ошибке наведения или потере контроля над эскалацией.

Гросси напоминал также о Тегеранском исследовательском реакторе и о потенциальных последствиях удара по нему для населения столицы. Это не утверждение, что такой удар был нанесён. Это напоминание о географии: ядерная инфраструктура существует рядом с городами, а последствия аварии не подчиняются политической границе между «военной целью» и «гражданским районом».

В международном обсуждении можно спорить о законности конкретной операции, о военной необходимости и о пропорциональности. Для такого правового вывода нужны данные о целях, ожидаемом военном преимуществе, мерах предосторожности и доступной сторонам информации. Но даже до юридической оценки остаётся вопрос государственной ответственности: какие риски были заранее известны, какие меры защиты принимались и как быстро стороны информировали население и международные организации?

Здесь американская критика должна быть предметной. Не достаточно сказать, что США бомбили ядерную инфраструктуру. Нужно спросить, какую оценку риска они провели для соседних действующих объектов, как учитывали возможность повреждения систем безопасности и что было

предусмотрено на случай утечки. Иранская сторона также несёт обязанности: обеспечивать безопасность ядерных материалов, своевременно уведомлять МАГАТЭ и допускать инспекторов, насколько это возможно. Но обязанности государства, подвергнувшегося атаке, не отменяют обязанностей того, кто применяет силу.

Инспектор под огнём

МАГАТЭ не может работать там, где нет безопасного доступа. После начала военных действий агентство остановило проверки, а к концу июня вывело инспекторов из Ирана. Это решение принималось не для удобства одной из сторон, а из соображений безопасности персонала. После этого инспекторы не могли непосредственно проверить ущерб в поражённых объектах и состояние запасов.

У инспектора нет брони самолёта и нет права объявить территорию безопасной. Он зависит от государства, которое принимает его, от условий перемещения, связи, охраны и доступа к объектам. Если линии связи оборваны, маршруты обстреливаются, а площадка повреждена, сам факт присутствия специалиста не делает ситуацию контролируемой.

Но вывод инспекторов имеет последствия. Чем дольше они отсутствуют, тем больше разрыв между последней проверенной картиной и настоящим. Спутниковые снимки помогают следить за внешними изменениями, но не заменяют

учёт ядерного материала. После нескольких месяцев без доступа возникают вопросы, на которые нельзя ответить дистанционно: сохранились ли пломбы, перемещался ли материал, в каком химическом виде он находится, что произошло с оборудованием.

Государство, которое наносит удар, может утверждать, что оно не отвечает за последующие решения противника. В узком военном смысле оно действительно не контролирует каждое действие Тегерана. Но политическая ответственность шире вопроса о контроле. Если заранее понятно, что удар по площадке прекратит инспекции, усложнит учёт материала и сделает проверку опасной, это должно входить в расчёт операции. После удара вопрос не исчезает: напротив, он становится срочнее.

Иран не вправе превращать ущерб от бомбардировки в постоянный отказ от прозрачности. МАГАТЭ должно иметь возможность проверять, что происходит с материалами, которые находятся под гарантиями. Но американская администрация тоже не может ссылаться на отсутствие проверок как на доказательство успеха. Если независимые инспекторы не могут подтвердить состояние объекта, правительству следует говорить об ограниченности знания, а не объявлять неопределённость победой.

Отсутствие выброса не означает отсутствия цены

В новостях число, которого нет, иногда важнее числа, которое есть. В июне 2025 года не было подтверждённого внешнего радиационного выброса. Это хорошая новость. Но она не отменяет повреждений, эвакуации персонала, остановки проверок и химической опасности внутри объектов. Она также не отвечает на вопрос о долгосрочном состоянии оборудования и материалов.

Соблазн драматизировать здесь велик. Можно написать о катастрофе, которая будто бы едва не накрыла весь регион. Но это будет неправдой. Гросси говорил о возможных сценариях для действующей станции и исследовательского реактора, а не о произошедшем выбросе. Точная публицистика не должна пугать читателя тем, чего не случилось. Она должна объяснить, насколько серьёзными были последствия, которые удалось предотвратить или которые не реализовались.

Есть и обратный соблазн: сказать, что раз радиация не вышла за пределы площадок, значит, опасность преувеличена. Но безопасность оценивается не только по тому, случилась ли худшая авария. Иначе пожарная система была бы ненужной до первого пожара, а инспекция бесполезной до первого доказанного нарушения. Управление риском состоит в том, чтобы не допустить события, а не лишь подсчитать его после.

Для жителей ближайших районов важны не только международные заявления. Важны своевременная информация, доступные инструкции, медицинская готовность, мониторинг воды и воздуха и доверие к тем, кто сообщает об опасности. Во время войны граждане часто получают противоречивые сообщения от военных, государственных медиа и зарубежных источников. Если власти скрывают неопределённость, слухи заполняют её быстрее, чем специалисты.

В этом смысле слова МАГАТЭ о радиационном фоне имеют двойное значение. Они успокаивают там, где действительно не было внешнего повышения. И одновременно напоминают, что агентство должно оставаться независимым источником, а не повторять заявления воюющих сторон. Его задача не оправдывать операцию и не обвинять нападающего, а говорить, что можно измерить и чего пока нельзя установить.

Право цели на осторожность

Военные планировщики говорят о целях, вероятности успеха и сопутствующем ущербе. В политических выступлениях последнее часто уменьшается до технической оговорки. Но ядерный объект не обычный склад боеприпасов. Даже если он не производит электричество и не является действующей атомной станцией, он может содержать опасные вещества, лаборатории и оборудование, повреждение кото-

рого создаёт новые риски.

В июне 2025 года Гросси вновь напомнил позицию МАГАТЭ: вооружённые атаки на ядерные объекты не должны происходить, поскольку могут привести к выбросам с тяжёлыми последствиями внутри государства и за его пределами. Это не отменяет необходимости обеспечивать контроль за ядерной программой. Это указывает на предел военного инструмента. Чем опаснее объект и чем меньше доступа к нему после удара, тем выше цена ошибочного решения.

США могли рассматривать атаку как ограниченную операцию против инфраструктуры, а не как нападение на гражданское население. Но намерение ограничить удар не гарантирует ограниченности последствий. Иранская сторона, в свою очередь, могла использовать ядерную опасность для политического давления, но это не делает его ядерную деятельность менее подлежащей проверке. Между этими позициями лежит право людей не быть статистическим приложением к чужой стратегии.

Книга не может установить, что каждый риск был проигнорирован. Для этого нужны документы планирования, которых в открытом доступе нет. Но она может зафиксировать публично известные предупреждения МАГАТЭ, сопоставить их с последовательностью ударов и спросить: какие меры предосторожности были приняты, чтобы не допустить того, о чём агентство предупреждало? Отсутствие ответа в открытых источниках не даёт права придумать ответ. Оно

даёт основание продолжить проверку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.